

XLIII

Когда человек, что был послан на тинг, рассказал Гуннару об убийстве, тот сказал:

– Плохая это весть. За всю жизнь не приходилось слышать худшей. Нам нужно сейчас же поехать к Ньялю, и я надеюсь, что он поступит великодушно, хоть это и сильное испытание его терпению.

Они отправились к Ньялю и вызвали его, чтобы поговорить с ним. Он сразу же вышел к Гуннару. Они начали разговор, и сначала с ними не было никого, кроме Кольскегга.

– Печальную весть должен я передать тебе, – сказал Гуннар. – Торд Вольноотпущенников Сын убит. Назначь сам виру за него.

Ньяль помолчал и потом сказал:

– Хорошо, – сказал он, – я назначу виру. По очень может быть, что мне придется выслушать упреки моей жены и сыновей, потому что им это придется очень не по душе. Но я все же решусь на это, потому что знаю, что имею дело с честным человеком. А кроме этого, я не хочу, чтобы из-за меня кончилась наша дружба.

– Ты не хочешь, чтобы при нашем разговоре были твои сыновья? – спросил Гуннар.

– Нет, – ответил Ньяль, – потому что они не нарушат моего слова. Но если они будут сейчас здесь, то помешают нам помириться.

– Ладно, – сказал Гуннар, – пусть один ты будешь принимать виру.

Они подали друг другу руки и быстро договорились. Ньяль сказал:

– Я назначаю две сотни серебра. Или, по-твоему, это много?

– По-моему, это не слишком много, – ответил Гуннар и пошел в свою палатку.

Сыновья Ньяля пришли домой, и Скарпхедин спросил у отца, откуда у него такие большие деньги. Ньяль сказал:

– Знайте же: Торд, который воспитывал вас, убит, и мы с Гуннаром помирились, и он заплатил двойную виру.

– Кто убил его? – спросил Скарпхедин.

– Сигмунд и Скьяльд, а Траин был при этом, – сказал Ньяль.

– Видно, немало их потребовалось для этого, – сказал Скарпхедин, – но когда же нам представится случай поднять оружие?

– Скоро, – сказал Ньяль, – и тогда никто не станет тебя удерживать, а пока что я хочу, чтобы вы не нарушали моего слова.

– Не нарушим, – сказал Скарпхедин, – но если между нами снова ляжет тень, то мы вспомним старые обиды.

– Я не стану тогда мешать вам, – сказал Ньяль.

XLIV

И вот народ поехал с тинга домой. Когда Гуннар вернулся домой, он сказал Сигмунду:

– Ты неудачливее, чем я думал, и плохо применяешь свои способности. На этот раз я заплатил за тебя, но ты не должен больше поддаваться на подстрекательства. Ты непохож на меня. Ты часто смеешься и издеваешься над людьми. Мой нрав вовсе не таков. Ты потому-то и дружишь с Халльгерд, что у вас много общего.

Гуннар долго укорял его, но тот отвечал ему учтиво и сказал, что с этих пор будет слушаться его советов больше, чем раньше. Гуннар сказал, что тогда все будет хорошо.

Гуннар и Ньяль продолжали оставаться друзьями, хотя между их домашними приязни не было.

Однажды случилось, что в Хлидаренди из Бергторсхвалы пришли нищенки. Они были болтливы и злоязычны. У Халльгерд был дом, где женщины занимались рукоделием, и она часто сидела в нем. Там были Торгерд, ее дочь, Траин, Сигмунд и много женщин. Ни Гуннара, ни Кольскегга там не было. Нищенки вошли в дом, Халльгерд поздоровалась с ними, велела дать им место и спросила, где они ночевали. Те ответили, что в Бергторсхвале.

– А что подельывал Ньяль? – спросила она.

– Старался усидеть, – сказали они.

– Что делали сыновья Ньяля? – спросила она. – Ведь они считают себя теперь совсем особенными.